

Евгений ПЫШКИН ЧУЖАЯ ЗЕМЛЯ

18+

Евгений Пышкин

Чужая Земля

<https://litres.ru/74263667>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ряд загадочных событий, обозначенный спецотделом 2 кодовым именем "дитя в лесу", приводят к смутному пониманию грядущих перемен в жизни планеты Земля.

Содержание

Глава 1. Гомункул	4
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Евгений Пышкин

Чужая Земля

Глава 1. Гомункул

"_

Сторож! сколько ночи?

- Приближается утро, но еще ночь."

Неточная цитата из книги Исаия 21, 11.12

Игра со временем и пространством не подвластна существам и сущностям, плавающим в них, как в океане, только сам океан (бескрайний и убегаящий за горизонты всех событий) способен подчинить себе существа и сущности, то есть может подчинить сам себя, так как они есть часть его, а часть диалектически неотделима от целого. Если почувствуют пространство и время (что являются целым) грядущее покушение на их основы основ, то вольны они пресечь помыслы о вседозволенности и безнаказанности частей своих. Воля, свобода и прочие подобные потенции, заложенные в существах и сущностях, не безграничны. И как только они осознают ущербность своего потенциала, то грезы о мощи и

величии обращаются в прах силой целого, силой пространства и времени.

«Пространство» и «время», не смотря на человеческие самоназвания, на самом деле находятся в «нигде» и есть в «никогда». Поэтому нельзя говорить о том, что был мир «ДО», а потом превратился он в мир «ПОСЛЕ». Поэтому нет слева, справа, впереди, сзади, сверху и внизу, как нет завтра и вчера. Человек машинально упрощает объективную реальность. Нет двух пунктов назначения в пространстве и времени. Понятия людские не применимы к их сути, так как они есть символы бесконечности и только в человеческом мозгу символы обретают ложную законченность. Лишь некоторые из людей интуитивно догадываются, что знак, символ и образ стоят выше конкретных слов, потому как символичность прячет в себе необозримость и необъятность пространства и времени.

Следовало бы воспринимать только одно пространство и не делить его линейкой. Следовало бы воспринимать только бесконечно текущее настоящее. Прошрое – это то, чего уже нет, а будущее – то, чего еще нет. В обоих случаях ключевым аспектом является отрицание; и возникает парадокс машины времени: как можно путешествовать во времени на каком-то механизме, если ни минувшего, ни грядущего не существует? Можно ли скользить по бесконечному настоящему? Или иной вопрос: как машина времени может «улететь» в глубокое прошлое, когда материалы, из которых она сдела-

на, еще не добыты, не переработаны и не созданы природой или человеком? Не вызовет ли ее вторжение схлопывание сверхсубстанции пространствовремя? Кажется, онтологическая суть машины в этом случае – абсолютный хроноклазм, стоящий над пространством и временем. Или, другими словами, вне пространства и времени. Дословный перевод термина «хроноклазм» - излом времени, но излом, находящийся вне времени, поэтому не влияющий на условное прошлое и условное будущее.

Сверхсубстанция пространствовремя существовала до человека и до всего; и будет существовать после него и после всего, когда ничего не будет. Исходя из этого, не случалось никакого большого взрыва, ибо имелась инфляция пространствовремени (тоже, кстати, человеческий термин). Инфляция феноменологически представляла собой сущностное взаимодействие пространства и времени внутри сверхсубстанции пространствовремя. Метафизическое трение породило высшую форму существования энергии – информацию, которая породила низшую форму, называемую людьми материей. Она является всем, что окружает человека, а также она есть всё, потенциально существующее в зародыше. Нечто не живое и не мертвое одновременно, нечто отрицание отрицания, нечто, что есть ниже черты, выше которой человек привык вешать ярлыки «живое» и «мертвое». Оно – гомункул материального мира. Гомункула способен обнаружить научный инструмент.

Важно понимать и помнить иное: обязательно останется теневая сторона гомункула, которую ум не познает. Но жажда и любопытство толкали на протяжении миллионов лет человечество вперед – так оно в своем заблуждении думало. Реальное положение заключалось в том, что весь научно-технический прогресс по сути своей не являлся прогрессом, а являлся процедурой совершенствования инструментов познания и инструментов физических, используемых для выживания и повышения комфортабельности. Поэтому, чтобы окончательно познать, человек должен, отбросив все инструменты, стать высшей формой энергии: перекодироваться в чистую информацию, а далее открывается прямой путь к исчерпывающему знанию, к сверхсубстанции пространство-время. И вот, именно в сей краткий миг перехода любое знание становится прахом, ибо становится ненужным; тогда каждый из дошедших до вершины вершин и познавший все глубины глубин возвращается в Колыбель Мироздания.

- Так было всегда...

- Так было всегда, - повторял фразу немецкий солдат, разматывая промасленные тряпки и обнажая металлический, холодный и совершенный механизм для убийства, слепо полагаясь, как и миллионы лет назад, на инструмент.

Только на инструмент и только на него, и лишь в кратковременных прозрениях малая часть людей интуитивно вылавливали музыку сфер, в которой угадывались отдельные звуки, что полутонами и полунамеками говорили: есть дру-

гие не механистические пути познания. Но темные люди верили, что может существовать в бескрайней вселенной лишь технический разум, ибо, слепые в своем упрямстве, они поклонялись инструменту, отвергая разнообразие форм и видов этих инструментов, среди которых могли оказаться самые невероятные средства, соседствующие с волшебством.

Конечно, миллион лет назад не существовало никакого огнестрельного оружия, тем более такого податливого и безотказного, как снайперская винтовка. Миллион лет назад человек был частью животного царства, можно было говорить о гоминидах, которые недалеко ушли от нынешних людей в своем развитии – злорадствовали мизантропы. Только интеллект, только инструмент претерпел изменения. Восемьсот тысяч лет назад человеку удалось отделиться от животного царства и создать хоть что-то похожее на инструменты, но это было не главным. Случилось то, что не заметил он сам: выйдя от зверей, переползая с одной эволюционной ветки на другую, забрал человек разумный с покинутых ветвей многое от животных, в том числе инстинкт самоуничтожения, как залог будущего вымирания, на случай если ветвь прорастет не туда.

Снайперская винтовка MAUSER 98K с прицелом ZF39 нежно легла в руки, прислонившись к плечу и затихнув, ожидая команды. Она была зверьком, которого приручил человек, но зверьком мертвым, как и любой инструмент.

- Так было всегда. Такое уже происходило. Сейчас всё за-

кончится. Так было всегда. Такое уже происходило, - безумно, как дьявольскую молитву, прошептал солдат по-немецки, перебрав слова как четки.

Он нашел в оптике цель.

- Так было всегда. Я помню. Должен же закончиться этот ад, в конце-то концов!

В перекрестии смерти оказалась группа людей, среди которых был генерал, был и тот рядовой.

Красный генерал. Красный солдат. Перекрестие смерти. Красная смерть. Всё залило кровью – мир окрасился алым, предвкушая грядущее. Снайпер задержал дыхание и плавно нажал на спуск. Перст судьбы врезался в затылок советскому солдату. Брызги. Куски влажной плоти. Хлюпающий и чмокающий звук. Снайпер на секунду оторвался от окуляра и увидел, что там ничего нет. Не было рокового выстрела. Не было суматохи. Не было ответных действий. Они его не заметили. Снайпер глянул сквозь перекрестие – спокойствие. Советский солдат жив, потому что перст судьбы металлическим ногтем не пронзил ему затылок, потому что снайпер не белокурая бестия, не сверхчеловек, а тщедушный, слепой и безмозглый котенок, который уткнулся опять в то же самое препятствие. Беззуба воля человеческая перед настоящим перстом судьбы. Люди только и могут, что разыгрывать из себя властелинов мира, властелинов чужих жизней, властителей чужих дум, а сами только удивленно твердят:

- Так было всегда. Кто ты? Кто ты?

Встал на колени в проеме окна, собираясь полить свинцом советских солдат.

Затем всё повторилось. Вся дьявольская круговерть. Вновь перекрестие, но на этот раз не один выстрел. Снайпер, успев выпустить только две пули, замертво упал и свесился из окна подобно тряпичной кукле, которую бросил хозяин на произвол судьбы.

Кукла вновь глянула в прицел. Все были на местах, как актеры перед началом очередного акта. Задержка дыхания. Временной интервал между ударами сердца. Выстрел. И всё исчезло. Они скатились в яму. Советский солдат упал с пробитым черепом, но вылез из ямы живой и невредимый. Прозвучали ответные выстрелы, но снайпер успел сползти на пол, бросив винтовку. Пули просвистели над головой. Попластунски немец быстро как ящерица дополз до двери и выбежал в коридор. Сквозь учащенное дыхание и колотившееся сердце он различил быстрые шаги – советские солдаты ворвались в здание.

На краю собственного слуха снайпер слышал грохот сапог, стучали они со всех сторон, и он увидел, кажется, близко знакомые каски с красными звездами. Нужно укрытие – вот оно. Нырок. Выстрелы. Пули над головой как обезумевшие пчелы пролетели и вгрызлись в стену. Сдаваться? Никогда! Немец достал табельный пистолет, ствол его подобно металлическому пальцу приложил к губам, прося тишины. Скоро всё закончится, скоро он сгинет в такую мертвящую тишину,

что никто и никогда не посмеет выковырять его из бездны, достучаться, добудиться, разбудить, прогнать вечный сон, но вечного сна в небытии не существовало. Было вечное возвращение.

Мысль о нем немного успокоила. Всё повторяется, а, значит, уже это было, этот выстрел из окна случался, эта великая война происходила, и имелось даже подтверждение: русский солдат. Он каждый раз умирал, и каждый раз воскресал невредимым. Это не означало, что он невредим, а говорило о том, что вселенная в последние мгновения жизни снайпера показывала раз за разом свою суть, показывала ему вечное возвращение.

Палец лег на курок. Одно легкое усилие – и немец ухнул бы в вожаделенную бездну, но сильная рука вырвала оружие. Он не заметил, как они оказались рядом, как окружили, он не успел даже случайно спустить курок. Руки завернули за спину, и полусогнутого его вывели из строя.

На улице немец пришел в себя, очумело оглядываясь по сторонам. Взгляд пленного плясал и вдруг остановился на русском солдате. Пересечение судеб длилось мгновение, но ему почудился короткий промежуток времени, что разорвался в голове на множество осколков. Они, разлетевшись в разные стороны, замедлили полет, остановились и ушли обратно туда, где эпицентр взрыва, которым был русский воин. Иван Великий. Хотя он знал, никакой он ни Иван, у него другое имя – Антон Сокольский, но о его имени стоит молчать

на допросе, и если будут пытки... Он зажмурился, и опять открыл глаза. Тупой взгляд споткнулся о фигуру русского солдата. Снайпер видел его впервые, но, зная о нем всё (откуда?), удивился тому, что, скорее всего, не было никакого вечного возвращения, а просто этот советский воин избран вселенной, раз она не захотела его смерти. «Кто ты такой?» - хотелось немцу сказать, но губы не подчинились, будто им помешал воздух, майский воздух, который оказался сухим и липким.

Майский воздух сухой и липкий. Под ногами хрустела крошка, как хрустит перед строительством очередного мира пружина заводимых часов, и в скрытом механизме прячется ненародившийся свет и безучастная плоть. Есть птицы как ангелы, которых не существует, они есть метафора сна нового мира о самом себе. Птицы перелетают с ветви на ветвь, неся новые силы и дыхание, они распределяют их между ветками гомеостатического мироздания, а затем – вот загадка – не имея рук, взводят пружины вселенских часов.

Мироздание наблюдает и видит, что смерть отгремела грубыми сапогами по Берлину, и иногда отголоски смерти вспыхивали то тут, то там. Один из них, прежде чем прозвучать, затих в высоком окне облезлого здания неотличимого от иных на этой когда-то мирной улице. Антон не смог бы объяснить себе или кому-то еще тревожное ощущение предсуществования мысли, посетившее в роковой момент. Но чем дольше он в него всматривался и вслушивался, тем силь-

нее внутренний взгляд покрывался мутной пленкой, будто кто-то пытался скрыть предмет. Возможно, так происходит с любым взглядом человека, идущего сквозь время и пространство. Человек желает вникнуть в суть вещей окружающего мира, но вскоре устает, взгляд мутнеет, и отказывается от сосредоточенного изучения и вступает в новый день с плотно закрытыми глазами – так вселенная скрывает взводимую пружину нового мира, механизм мироздания создается и внедряется в уже существующую «плоть» объективной реальности.

Острый взгляд смерти из окна в затылок, и Антон, не осознавая, что холодные ее пальцы коснулись его кожи, машинально повернул голову. Край зрения переполнился звучанием будущих картин, словно весной вода, призирая берега, вырвалась на свободу. Это было предсуществование мысли о скорой беде. Оно поймало Сокольского в свои липкие сети. Он схватил за рукав генерала и, увлекая за собой остальных, упал и съехал в яму по крупным и заостренным камням крошева. Тогда и прозвучал выстрел где-то над ними, смертоносный плевок поднял пыль, и всё было кончено – беда скользнула мимо. Секунду спустя, Антон увидел военных. Они встали из ямы, отряхиваясь. Снайпер к этому времени был мертв, его тело, подобно тряпичной кукле, что набита мокрым песком, тяжело свисало из окна. Антон удивился. Во-первых, зачем стрелять? Во-вторых, получалось, что снайпер не лежал, что было логично, а сидел. И когда время

жизни стрелка остановилось, завалился вперед. Антон видел последнее движение вражеского тела, как закольцованный кусок киноплёнки. Тело грузно подалось вперед и легло на живот, свесив руки и часть туловища из окна, затем встало и вновь повторило этот странный макабрический танец.

Антон опустил взгляд в яму и увидел мертвое тело. Значит, кого-то всё-таки убили. Прозвучал один выстрел, или несколько? Он увидел тело, лежащее на дне, тело никто не замечал. В следующую секунду с холодным ужасом Антон осознал, что это его тело. Точнее, это было его тело, которое должно быть на дне, но неведомая сущность с натужным сухим стальным хрустом провернула механизм мироздания так, что тело на дне воронки растворилось в воздухе.

- Рядовой, всё в порядке?

- Так точно.

Нет, не всё в порядке. Голова болела. Видимо, упал неудачно в яму: скатываясь, ударился головой о камень. Антон машинально коснулся затылка. Крови не было, а головная боль, как показалось ему, исчезла от прикосновения, и только после накрыла волна цунами, состоящая из пугающих слов: затылок болел не у него, а у того мертвого двойника, который лежал на дне ямы мгновение назад. Но даже у двойника голова болела недолго, ибо пуля оборвала страдания и растворила сознание допдельгангера в гомеостатическом мироздании. Или он, Антон Сокольский, на самом деле и есть выживший допдельгангер?

А кто тот, кто умер на дне ямы, кем он был?

Кстати, что насчет пуль и пули?

Пуля не предназначалась Антону, ведь никому не нужен простой солдат, целились, конечно, в командование, но неприятное ощущение отвратительной искусственности и выступающих протезов не прошло. Мнимые протезы мироздания есть божественные подпорки для новой истории. Они на мгновение были замечены Сокольским, но мгновения этого хватило для простого вывода о том, что кто-то решил насильно выгнать его на ослепляющий свет подлунного мира, заставив остаться в нем, не умереть. Значит, всё не случайно, хоть и выглядит как случайность, которая подобна хромой судьбе. Метафорически всё походило на протезирование пространства и времени с последующим сшиванием швов, образовавшихся в ткани мироздания. Можно было вспомнить прием с божеством из машины, которое работники древнегреческого представления спускали к героям, и божество расставляло все точки над «і», или, в этом случае, над русскими «и».

Антон, отряхнув и надев пилотку, услышал бодрый голос генерала:

- Как фамилия, рядовой?
- Сокольский, товарищ генерал! – и отдал честь.
- Молодец!
- Снайпер убит?
- С чего ты взял? Жив голубчик! – радостный и одновре-

менно сардонический смех генерала.

- Как?

Генерал ничего не ответил, а только взглядом показал в сторону дома. Антон поднял глаза и увидел призрака, что свисал из окна. Секунду спустя призрак исчез. Теперь-то Антон знал – привиделось. Он скользнул взглядом вниз и увидел черный прямоугольник входа. Из него бойцы вывели снайпера, заломив ему руки за спину, держали железной хваткой за плечи, отчего тот наклонился вперед, смотрел исподлобья затравленным зверем. Что-то было в его взоре нечеловеческое и дикое, а самое главное, противоречащее природе вещей. Глаза снайпера – глаза бездны говорили с людьми, глаза его пытались сказать, что здесь ему не место. Быть пойманным – чужая судьба, всё вымыслено, и поэтому в глубине черных зрачков трепыхнулось беспомощно на самом дне удивление.

Солдаты остановились ненадолго, снайпер посмотрел на Антона и спросил:

- Wer bist du?

Солдаты повели снайпера дальше, но тот конвульсивно дернулся, вывернул тело, неестественно задрал голову, чтобы посмотреть назад и снова ледяной взгляд как многотонный молот упал на Антона, и вопрос повторился:

- Wer bist du?!

- Рядовой Сокольский, ты его знаешь?

- Впервые вижу, товарищ генерал.

«Кто ты?» - вот, что повторял нацистский снайпер, не понимая, что советский солдат мог и не знать чужого языка. Антон впервые увидел это лицо, но его испугал вопрос врага, потому что сам минуту назад задавался им. Кто он на самом деле? Он еще жив? Или настоящий рядовой Сокольский погиб там, в воронке от взрыва, а секунду спустя вселенная стерла его из памяти всех людей? И Антон решил: может всё, что угодно случиться на войне. Самые пугающие и мистические происшествия объясняются игрой покалеченного рассудка. Когда человек идет по грани, которая отделяет жизнь и смерть, не стоит удивляться тем происшествиям, что кажутся невероятными. Возможно всё, но и ничего невозможно. Поверхностная логика предлагает два ответа на один вопрос: человек жив или мертв? Но существует третий ответ, и минуту назад Антону показалось, что он услышал его. Сокольский не знал о принципе неопределенности, хоть и сформулирован тот в 1927 году. Однако он вряд ли разрешил бы сомнения. Немец не только находился в разных местах одновременно (выше человеческих сил пробежать с верхнего этажа на первый этаж), но и существовал в двух состояниях – живой и мертвый (проще было Антону свалить всё на галлюцинацию).

Был приказ проверить лежбище снайпера. Действовать нужно осторожно, вдруг враг еще есть где-то и не один; прячется он в здании, или около, неважно, но здание оказалось мертвым, и округа молчала, и до конца дня не случилось не

одного инцидента.

На всех этажах и в других комнатах стояла вязкая непривычная тишина. Так секунду назад бушевала буря, а секунду спустя она исчезла, и уже удивителен не хаос, захлестнувший мир, а тишина царящая после.

Солдаты вошли в комнату, где до этого прятался снайпер. Они осмотрелись, прислушались и обернулись на шаги прозвучавшие сзади. Вошли двое в штатской одежде, что удивительно. Незнакомцы представились сотрудниками Народного Комиссариата Государственной Безопасности, показав удостоверения.

- Ершов Мэлс Григорьевич, - сказал первый.

- Беляков Сергей Иванович, - произнес второй.

- Минутку, - ответил командир, рассматривая удостоверение, - что значит «СП2»?

- Специальный отдел номер два, - пояснил Ершов.

Он был старшим в группе. Беляков, пока находился в комнате, не проронил больше ни слова.

Командир продолжал рассматривать удостоверение, пытаясь выловить второй слой смысла в происходящем, но вернулся к реальности, услышав Мэлса Григорьевича:

- Всё в порядке, товарищ старший лейтенант?

- Да, - произнес тот, вернув документы.

Комната, откуда стрелял немецкий солдат, оказалась захлавленной, особенно у окна, где разбросана грязная одежда. На подоконнике лежала шинель, под подоконником пи-

рамой сложены пустые жестяные банки из-под тушенки, а рядом приставлен ранец образца 1939 года с клапаном из телячьей кожи.

На полу валялись книги, книжный шкаф с треснутыми стеклами створок – пуст. Ершов внимательно изучил его, опустил взгляд вниз и, задумавшись, долго смотрел в одну точку, затем, точно удивившись и поймав вопросительный взгляд командира роты, сказал:

- Вы ждете объяснений, товарищ старший лейтенант? Понимаю.

- А я не понимаю, в каком вы звании?

- Это неважно. Снайпер схвачен. Его зовут Эрхарт Эб Юнгер.

- Откуда у вас такие сведения?

Ершов ничего не ответил. Он повернулся к окну, подошел к ранцу и, присев, открыл его. Внутри лежали нетронутые банки с тушенкой. Ершов, переведя взгляд, сосчитал пустые банки. Их двенадцать штук. Кроме еды в ранце лежала записная книжка в темном кожаном переплете. Она легко убиралась на ладони. Чернильный карандаш был спрятан между корешком и капталом. На страницах крупным неуверенным почерком имелись короткие заметки, где каждая новая заметка начиналась одним и тем же набором цифр: «05-15-45». Ершов, пролистнув вперед и прочитав «Die Philosophie von Raum und Zeit», забрал вещественное доказательство себе, положив его во внутренний карман

одежды.

Поднявшись, он предупредил командира:

- Все вопросы, товарищ старший лейтенант, направляйте вышестоящим по званию. Они владеют информацией и всё смогут объяснить вам. Честь имею.

Последние два слова показались командиру чужеродными, будто случайно забредшими сюда, и он подумал: «А не послышалось ли?»

Два человека из комиссариата в штатском удалялись и говорили между собой. Ухо четко выловило кусок странного диалога.

- Ничего еще, всё только начинается.

- Вы говорили об этом и раньше.

- События развиваются медленно, не в течение жизни одного поколения, а в течение столетий, значит, и нам не стоит спешить. Человек не замечает, как растут волосы на голове, но они ведь растут.

- На что вы намекаете?

- В тысяча девятьсот шестнадцатом году Карл Шварцшильд теоретически предсказал существование «черных дыр». Они будут открыты. А до этих событий, то есть за шестнадцать лет до Шварцшильда предложена квантовая интерпретация мироздания.

О чем они говорили? Что началось, но протекает медленно? Что-то о явлениях физической природы, что вяло текут, не замечаемые человечеством? Упомянули мироздание, зна-

чит, глобальные процессы на планете? Явно они не говорили о войне, о мире, о будущей жизни, что наступит после. Интонация указала военному, что Ершов и Беляков равнодушны к инциденту с немецким снайпером, они плавали в океане иных интересов, но каким-то образом происшествие коснулось случайно этих интересов.

«Странные они», - подумал военный и вновь осмотрелся.

Безликим замечанием он пожелал заглушить беспокойную мысль о том, что товарищ Ершов взял записную книжку немецкого снайпера, и поступок сей выглядел самовольным, а книжка явно содержала секретные сведения. Специальный отдел за номером два? Чем они занимаются, точнее, каков род их деятельности, каков род разведанных интересуется отдел?

Военный подошел к пустому книжному шкафу и машинально распахнул дверцы. В шкафу – мертвая серая птица. Она оказалась небольшой, лежала на спине, раскинув крылья, словно даже сейчас продолжала полет.

Среди груды книг, что была рядом, выделялась одна книга – большого размера со странной надписью, кажется, на латыни. «Arcanum».

- Арканум.

- Что?

- Арканум, - повторил солдат, указав на обложку. – Какая-то алхимическая галиматья.

- А что внутри?

Он открыл первую страницу и увидел травяной узор. Это точно напоминало узор, что создан неизвестным художником без использования правил зеркальной или лучевой симметрии. На первый взгляд – это перемолотая слегка подсушенная трава, которую ровным слоем насыпали и прижали стеклом. На второй взгляд рисунок походил на чередование зеленых и черных областей, где черное напоминало азбуку Морзе. Точки. Тире. Пространство между ними заполнено изумрудным цветом, но солдат знал азбуку Морзе и убедился, что это бессмысленный набор. Каждая страница таинственной книги содержала хаос символов, что не повторялся: новый лист – новое случайное послание, не содержащее сведений.

- Ничего внутри.

- Она единственная непонятная книга среди прочих. Остальные – на немецком языке. Смотри, «Фауст» Гете.

- Ладно, осмотрим остальные помещения.

Бойцы прошли в соседнюю комнату, и в то же время Ершов, спускаясь по ступеням вместе с Беляковым, достал тетрадь немецкого солдата, вновь пролистнул, заметил слово на латыни – *Arganum* – и быстро вымолвил:

- Надо вернуться.

- Куда?

- На место снайпера. Мы кое-что забыли. Объясню потом. Ершов обратился к первой странице записей.

<...>

Началось всё дня три назад, но только сегодня я понял это, хотя никакого сегодня в привычном понимании уже не существовало. Всё субъективно. Мир вращался вокруг субъективности моего сознания. Объективно же люди жили и двигались по шкале времени от условного прошлого через настоящее и в день грядущий. Я есть только здесь – в бесконечном «сейчас», которое потеряло смысл. Теперь не знаю, имелось ли личное прошлое, только мое прошлое, или те обрывки воспоминаний не более чем иллюзорность? Откуда они? Я всегда существовал в брошенном здании, и всегда было окно, и моя снайперская винтовка, и сжимал я ее в руках, будто спасительную соломинку, как единственный и однозначный материальный объект зыбкого мира. Мира, сошедшего с ума. Оружие давало надежду на скорый конец. Речь не шла о благополучном исходе, речь шла о любом исходе.

Почему я должен их убить? Вопрос для меня закрытый и покрытый пеленой таинственного плотного тумана. Только одно: долженствование. Я должен сделать это. В окуляре прицела появилась группа солдат вместе с офицерским составом; кажется, среди них был генерал, но он не так важен, поэтому есть он или нет – всё равно. Прицелился и нажал на спусковой крючок, и пока летела пуля из дула винтовки в группу людей, я исчез и не успел увидеть результат выстрела. Почудилось, будто провалился в глубокий и короткий сон, что подобен мигу, растянутому как резина, и он походил на дурную и жуткую бесконечность небытия меж двух

миров. Меня в этот краткий миг жгла мысль о том, что я не смог заговорить судьбу, не смог обмануть ее, чтобы покинуть заколдованный круг, созданный пространством и временем. Ах, если бы существовал синоним или эвфемизм, способный скрыть мое имя и фамилию. Если бы не Эрхарт Эб Юнгер, если бы не этот человек, что не желает терять свою личность, что сопротивляется словесному небытию, меж тем надо отдать ненадолго себя во власть небытия, и тогда всё пожирающая судьба потеряет из вида меня.

Когда очнулся, слова пришли сами, но не те слова: действительно, сон. Я на время успокоился. Кажется, Соломону (по легенде) приснилось нечто важное, о чем он сразу забыл после пробуждения. Царь только вынес ощущение важности пригрезившегося события в мире по ту сторону. Так и у меня. Но я вынес тревогу с едва уловимым ощущением реальности, то есть не сон снился, а явлено воспоминание, вот только не могло это быть воспоминанием. И себе, в конце концов, я сумел объяснить: то, что увидел, случилось на самом деле, но произошедшее не являлось памятью, ибо память хранит прошлое, а я сохранил настоящее.

Ни слова о страхе, ни минуты на панику, но холодок змей скользнул по позвоночнику, когда обнаружил следующее: во-первых, боекомплект для винтовки не потрачен, а, во-вторых, в прицеле появилась та же группа советских военных. Их движения и перемещения в пространстве и времени оказались теми же, что и во сне. Да, тогда я считал увиден-

ное сном, но на самом деле...

Однако идем по порядку: строго, не торопясь, минута за минутой.

То, что случилось во сне, повторилось наяву. Это говорило о вечном возвращении, которое пережил Фридрих Ницше, только мои ощущения были глубже и многослойней. Да, я мог бы сказать: происходящее сейчас, со мной уже было. Но как в поле внезапно появлялись яркие красные цветы среди океана белых цветов (фильм при ускоренной перемотке киноленты), так внезапно заалело ощущение того, что место одновременно знакомо и нечто едва уловимое и инородное присутствовало, и чья-то невидимая рука пыталась указать на отличия.

Итак, группа красноармейцев, хотя никто их так не называет, попала в перекрестие прицела. Кто-то невидимый нежно положил руку на плечо, я замер, прислушался и вдруг отвел винтовку чуть в сторону, приподнялся и произвел несколько беспомощных выстрелов, которые закончились небытием, но в этот раз я увидел соломонов сон. Я разглядел пространство и время отдельно от материальных объектов, отдельно от космического вакуума. То ли сам смог, то ли кто-то помог очистить зрение от суетного восприятия реальности. Я увидел не сон (теперь-то точно знал, что всё было по-настоящему), я увидел невообразимое нечто, которое быстро расширялось, порождая пространство и время, и они, сталкиваясь друг с другом, породили музыку. Я не

услышал ее, а увидел ее и впал в уныние оттого, что немецкий язык, да и любой человеческий язык не способен выразить видение музыки. Это не были ноты, это была музыка, обретшая плоть невидимого духа, который мановением перста отделил от себя материю. Материю всё ж я смог понять и объяснить: все материальные предметы этого мира, включая корпускулы и волны и сам вакуум – вот, что оказалось материей на самом деле.

Опять очнулся. Был тот же день. На мгновение меня объ-
ял ужас. В умственной лихорадке вдруг вспомнил легенду из «Народных сказаний» Отмара о Рип Ван Винкле, только я не он. Он проспал двадцать лет, то есть переместился в будущее, а я застрял в настоящем, но, как и в легенде, со мной велась игра со временем и пространством, но кто в нее играл? Я не желал этой игры. Боекомплект был полон. Те же советские солдаты и офицеры появились в прицеле. Я осознал, что именно я виноват в том, что застрял, и понял, как разорвать дурную бесконечность сна наяву: не стрелять. Я отложил винтовку, сполз на пол и затих. Слушая сердцебиение, изучал пустой книжный шкаф, думая о книгах, думая о родном доме, в который не вернусь никогда. Представил маленькую домашнюю библиотеку. Перевел взгляд на книги, сложенные на полу. Неосознанно пересчитал корешки, забыл число книг, начал заново, вновь забыл. Заметил большой фолиант темно-зеленого цвета. Рука сама потянулась к нему. Вытащил книгу. Некоторые из книг глухо

упали на пол, но мое внимание захватил зеленый фолиант. На обложке имелось название «*ARCANUM*». Открыв, ничего не увидел, кроме странного хаотичного травяного узора. Он был на всех страницах.

Окно, рядом с которым я лежал, находилось напротив входа. Дверь осторожно приоткрылась, затем с грохотом распахнулась. На пороге стоял советский солдат. «Кто ты?» – успел я задать вопрос. Услышал дребезг стекла. Это в закрытом книжном шкафу о стеклянную дверцу билась маленькая серая птица. Она была моим сердцем. Мгновение спустя, смутное ощущение, словно ангел, танцующий на кончике иглы, успело вспыхнуть и оставить след в умирающем мозге.

То неясное ощущение тревоги с легким налетом реальности, о котором написал выше, вновь посетило меня совершенно преображенным, точно кто-то встряхнул мир как колбу и перемешал ее содержимое, и увидел я ту же реальность, только не туманную, а реальность изменившуюся, где элементы, сместившись, встали-таки наконец в нужные ячейки. Ум сам связал воедино два состояния: тот первый раз – первый набросок невидимого художника – предощущения; и второй раз, когда созерцал нечто.

Трудно объяснить это «нечто», неподвластное человеческому сознанию. Можно сказать грубо: свет был вокруг и источник его не определим. Я точно знал, что он есть, что это не лучи преломленные туманной субстанцией, которая имелась вокруг. В какой-то момент перестал рассуждать про

себя об источнике и свойствах свечения, так как осознал: я и есть тот источник света. В мировых религиях свет всегда обретал этическое измерение, словно появлялась четвертая координата, здесь же (место именуемое «здесь», конечно, просто условность), так вот, здесь свет не имел этического измерения. Не то чтобы он был безлик (я ощущал присутствие сущности), но сущность стояла выше человеческих представлений о добре и зле, она не была равнодушна к ним, она их знала, но оценивала по-своему, следовательно, у нее имелась своя мораль, которая осталась непостижимой.

Кроме того, этот свет, сквозящий через меня, и есть та сущность и в тоже время я на самом деле был одновременно частью ее и ей, и всецело всем. Столько множество противоречий столкнулись в мозгу, что перестал мыслить. Ум, не справившийся, отказался выполнять главную функцию – думать. Видимо, сущность так часто поступала со всей живой материей в мире: когда хотела скрыться, она ненадолго открывалась полностью, смущала разум, и разум отказывался биться над разгадкой тайны тайн мироздания. Но когда сущность желала достичь своих целей, то открывалась лишь одним аспектом, как если б она светила прожектором среди крошечной тьмы, и яркий сноп прочерчивал в мгновение путь. И я увидел этот путь за секунду до пробуждения.

Я понял, что хотела сущность.

Она показала дорогу, точнее способ разорвать петлю времени, в которой я запутался как в силке.

Не нужно никого убивать. Группа советских воинов должна выжить вся, никто не умрет, но перекрестие в оптике обязано остановиться на затылке рядового красноармейца, именно туда и полетит пуля, одновременно достигнув и не достигнув цели. Я не понял, как может быть так: человек мертв и жив в одно и то же время, но сущность не удосужилась объяснить, она не показала миражей, она не сделала полунамека. Мой молчаливый вопрос направленный внутрь и вовне оказался ледяным булыжником среди горящих звезд бескрайнего космоса. Вопрос не имел смысла. Звезды молчали. Мироздание безмолвствовало, а я не стал настаивать на разъяснении. Что значит, пуля достигла и не достигла цели? Одна из интерпретаций – не полноценный ответ – это пуля летит в затылок солдату, подобно жадному хищнику, стремящемуся к жертве, но цель его субъективна. Объективная цель – только стремление. Главная цель – не достичь цели, не разmozжить затылок. Главное даже не цель – функция. Я есть функция.

И еще: главное сейчас – разорвать порочный круг.

Винтовка в руках.

Три часа дня и сорок пять минут в Берлине.

Я знал точное время.

Я знал и не знал одновременно имя солдата. Что же касается сущности, то для нее не имели значения самоназвания, так как она сама их порождала и тут же забывала, превращая в океанскую воду, в пыль дорожную, в бесконечные рассто-

ания, в вечность, в мгновения, в молекулы – во всё, что пожелаете, насколько хватит человеческого воображения. Всё, везде и сразу.

Время.

Пространство.

Они уже здесь. Они схоронены за углом вечности. Они в гробовом молчании ожидают меня, поэтому и конец всем записям.

<...>

И записи действительно кончились. Ершов, не ясно чем покоробленный, пролистал до конца, но все страницы пусты, словно перед ним распахнулся настешь неведомый космос, привыкший молчать на любые вопросы людей. Мэлса постигло разочарование. Он словно увидел поверхностное волнение на озерной глади, которое спровоцировано придонным движением, а что за движение, он так и не узрел умом.

Оставалась надежда на допрос немецкого снайпера.

<...>

15 мая 1945 года.

г. Берлин.

Я, ст. следователь специального отдела 2 Народного Комиссариата Государственного Безопасности (НКГБ) Ершов Мэлс Григорьевич 1919 года рождения, уроженец с. Яндобы, Аликовского района, Чувашской АССР, русский, гражданин СССР, член КПСС с 1939 года при участии следователя Бе-

лякова Сергея Ивановича 1920 года рождения, уроженца г. Томска, Томской области, русского, гражданина СССР, члена КПСС с 1941 года проводили допрос немецкого снайпера Эрхарта Эб Юнгера в качестве главного подозреваемого в планировании, подготовке и осуществлении покушения на жизнь и здоровье младшего офицерского состава, представителя генералитета и солдат Красной Армии (КА).

Юридическим основанием для проведения следственных мероприятий является указ 39 Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г.

Вопрос: Назовите ваше полное имя.

Ответ: Эрхарт Эб Юнгер.

Вопрос: Звание.

Ответ: Обергефрайтер 98-ой пехотной дивизии третьей роты.

Вопрос: Сколько человек было в роте?

Ответ: 200-ти человек.

Вопрос: Где они?

Ответ: Не могу ответить на данный вопрос.

Вопрос: В здании вы были обнаружены одни. Боевые действия в данном районе закончились четыре дня назад. Как вы объясните исчезновение двухсот человек?

Ответ: Объяснить исчезновение двухсот человек я не могу, могу лишь предположить, что они были убиты. Скорей всего, я для них считаюсь пропавшим. Я существовал вне пространства и времени.

Вопрос: Это имеет какое-то отношение к записной книжке, обнаруженной в вашем ранце? Те записи вы назвали «Философия пространства и времени».

Ответ: Это имеет прямое отношение. Там всё описано, что со мной случилось.

Вопрос: Каково было ваше задание?

Ответ: Совершить покушение на советского солдата.

Вопрос: Кто непосредственно отдал приказ?

Ответ: Мироздание.

Вопрос: Кто непосредственно отдал приказ?

Ответ: Вы не поймете. Немецкое командование здесь не причем. Я не отрицаю, что совершил попытку убийства рядового Красной Армии, имени которого не знаю.

Вопрос: Что означал ваш вопрос «Кто ты?», обращенный к рядовому, когда вы его увидели? Вы знали рядового Сокольского?

Ответ: Я не знал имени этого рядового. Мой вопрос, обращенный к нему, означал только следующее: я хотел иметь понятие о планах мироздания в отношении его персоны.

Вопрос: Это ваш окончательный ответ?

Ответ: Да.

Вопрос: Вам отдало приказ мироздание убить рядового Красной Армии Сокольского Антона Андреевича, но при этом вы промахнулись?

Ответ: Да. Именно так и должно было свершиться. Я должен был стрелять и промахнуться, он должен был выжить. Я не знаю, зачем мирозданию понадобилось сохранить ему

жизнь и при этом подвергнуть опасности жизнь и здоровье рядового Красной Армии.

Вопрос: А жизни и здоровье остальных?

Ответ: Им ничего не угрожало.

Вопрос: Готовы ли вы письменно подтвердить сказанное вами выше?

Ответ: Да.

Вопрос: Хотите ли вы добавить что-то по этому делу?

Ответ: Да. Вся необходимая информация по делу содержится в моей записной книжке.

Предварительный допрос Эрхарта Эб Юнгера окончен.

Допросил ст. следователь специального отдела 2 НКГБ СССР

ст. л-т / подпись / дата / Ершов М.Г. /

Присвоенный номер протокола допроса: СП2-

Гриф: Хранить вечно.

<...>

Вся жизнь, которая влачилась, как хвост с перемолотым хрящом, отпала сама собой, точно хвост ящерицы. Или можно сравнить ее с отслужившей срок змеиной кожей. Теперь смотришь на слинявшую кожу и дивишься тому, что она была частью тебя. Звучит, конечно же, безумно, но факт остался фактом. Взгляд сменился; он застыл, как взгляд ценителя изобразительного искусства, что увидел в обыкновенной картине глубокую геометрию смыслов. На ней (на картине) глупоглазые обезьянки в окружении фруктов и орешков, а на заднем фоне, если сосредоточиться до возникновения внутреннего напряжения осознанности, можно заметить окно. В окне виден городской сад, сад далекий и неуловимый, кажущийся ненастоящим, но как раз эти обезьянки с пустыми глазами и есть иллюзия, а сад...

Очень часто, прогуливаясь по довоенному Берлину, я ловил себя на мысли, что знакомые места ничто иное как оболочка, скрывающая внутри себя пустоту. На мгновение знакомое становилось чужим, и мнилось: ты здесь впервые и никогда такое не повторится. Скольжение по кромке смыслов, уклоняясь от самих смыслов – вот оно. Оно – скольжение по касательной повседневности. И прорастает бередящая душу тревога, что ты один в этом мире, как бездушный утес в океане, который возвышается над бурливыми водами, а потом пробивается сквозь слой камня росток со жгучим соком внутри. Росток желает совершить побег к реальности,

но бежать некуда, всё кончено.

Я это понял, когда увидел собственную смерть многократно, когда с облегчением умирал и с ужасом перерождался в той же самой тюрьме, и с каждым пробуждением внутри ломались мостки, связывающие меня с миром, что шит белыми нитками по материи социальных условностей. Всё было социальной условностью, и жить не хотелось бесконечно в этом мире, ибо нет ничего скучнее и страшнее бессмертия. Куда честнее обрести высший смысл и окаменеть, стать морским утесом.

Даже снайперская винтовка в руках превратилась в металлический кусок нелепости. Кричал мозг, что двигаться некуда. Схватка внутреннего и внешнего достигла белого каления, и мироздание готово было рассыпаться снопами искр. Вспыхнуть напоследок и погрязнуть во тьме.

Но ничего не произошло, связь времен не распалась, а возникла бесконечная вереница слов допроса. Интересно, они поняли, о чем я пытался говорить? Донес ли до них тайные смыслы фраз? Наверно, нет. Ведь я для них сумасшедший?

<...>

Да, на поверхности лежал очевидный вывод: Эрхарт Эб Юнгер повредился умом. Уж слишком убедительно изображал тот душевнобольного, если поверить на минуту, если вообразить, что немецкий снайпер безумен, все равно поверить невозможно. Поэтому Мэлса Григорьевича застал врас-

плох вопрос Белякова:

- Ваше мнение, товарищ старший лейтенант? Впечатления?

- Мы не должны руководствоваться впечатлениями. Только фактами. Но... - Ершов взял протокол и подписал его. – Сокольский и Юнгер будто сидели в одной камере.

- В разных комнатах на разных этажах. Сговориться не могли.

- Обоюдное сумасшествие.

- Сокольский не произвел такого впечатления, в отличие от немецкого снайпера.

Беляков забрал протокол предварительного допроса и, завилировав, внимательно посмотрел на старшего следователя. Тот не отреагировал, будто не заметил, а, возможно, так и случилось – не заметил.

Предстоящая вереница допросов вызвала у Ершова ощущение тоски и неприязни. Не сама юридическая процедура, а маячивший за ней призрак не оформившейся неудовлетворенности, точно в портфеле лежал подложный документ, который хоть и не нес серьезных последствий, но был подобен смявшейся стельке в ботинке – ходить не мешал, но и не давал забыть о себе.

Что же это было?

Ершов вспомнил отдых в Крыму, солнечный день, влажный ветерок с моря, легкое дыхание и камешек, попавший в сандалию, не камешек, а нечто чуть больше песчинки. Пе-

сочная крошка. И удивило его тогда, что незначительный объект способен привлечь внимание большого человека и сбить с накатанных рельс умиротворенных размышлений.

- Да... Сокольский... - вернувшись из воспоминаний, рассеяно произнес Ершов. – Сокольский выглядит чуть напуганным, но не самой войной, или боевыми действиями. Можно ли солдату привыкнуть к войне? Чувства притупляются.

- О чем вы, Мэлс Григорьевич?

- Он слегка растерян. Я о Сокольском. Кто он вообще такой?

- Служит недавно. Восемнадцать лет ему исполнится в этом году. Пятнадцатого сентября.

- Ушел добровольцем?

- Верно. Из института... Не помню, как его полное название. Сейчас гляну.

- Не надо. Какой факультет?

- Биология и биомедицина. – Беляков удивился. – А разве это важно?

- Нет, пожалуй.

- Может, еще раз допросить?

- Нас больше интересует немецкий снайпер.

- Он что-то не договаривает? Да?

- Возможно.

Ощущение подложного документа в воображаемом портфеле обозначалось четче, как с таяньем снегов проступает яснее прошлогодняя почва, точно снег консервирует про-

шное, а с приходом тепла освежает память людей, молчаливо говоря: смотрите, это ваша земля, но сегодня она чужая, потому как времени минуло много.

Ершову показалось, (стоило ли доверять интуиции), что мысль или краткая односложная идея, которая явилась ему на ум, но еще не оформилась в слова, на самом деле существовала раньше. Внутренняя раздвоенность породила приглушенную ментальную боль, похожую на страдания дерева под ударами топора. Он осознал, что хотел спасти Эрхарта Эб Юнгера и в тоже время желал запустить следствие по естественному руслу.

Да...

Следствие...

Военный трибунал...

Песчаная крошка увеличилась в размерах и превратилась в острый камешек, который продолжил расти, и вот он – астероид, стремящийся уничтожить всё на своем пути. Дикая метафора забродила в мозгу: небесное тело, стершее царство динозавров шестьдесят шесть миллионов лет назад, оказалось чьей-то роковой мыслью.

Есть дело, которому Ершов служил – спецотдел 2, но еще существовал долг перед обществом, воздействие внешних обстоятельств, но всё это полбеда. Где-то, словно между двух огней – долгом и делом – металось личное. Оно притихло в тисках текучего бытия и текущей ситуации. Сознание определяет бытие, или бытие определяет сознание? Та-

кие сомнения подобны смертному приговору самому себе, а на самом деле искать ответ на этот вопрос пустая трата времени, не стоит овчинка выделки, ибо проблема намного сложнее, многоэтажнее, причем часть ярусов уходит глубоко под землю, а верхние уровни теряются в облаках.

Всю подлинную сложность ситуации он не осознавал, а ощущал, даже, можно сказать, предощущал; но возник опять проклятый вопрос: стоит ли доверять интуиции?

- Я не знаю, каковы твои ощущения, - заговорил вновь Ершов, - но мы упускаем нечто важное.

- Опыт, - неопределенно ответил Беляков.

- Да, опыт следователя здесь играет роль. Мы упускаем не то чтобы немецкого снайпера, а нечто помимо его самого.

- Не совсем понимаю, Мэлс Григорьевич.

- Я пока тоже.

- Тогда задам вопрос в лоб: с подобным наш спецотдел сталкивался? Вы же знаете, я у вас недавно служу.

- Нет. Не припоминаются подобные дела. Можно глянуть в архив, но...

- А те года?

- Какие года?

- О которых вы упомянули. Тысяча девятисотый год, шестнадцатый год?

- Это лишь косвенные улики, как сказало бы следствие.

Ершова на мгновение поразил отблеск одной мысли, будто кем-то подсказанной. Ей он не поделился с Беляковым.

Решил, что не стоит наводить тень на плетень. Старший следователь увидел космическую матрицу, которая как сверток бесшумно развернулась и застыла, и эта матрица стала трафаретом для всего живого и мертвого. Гигантский ланцет божества уверенно и быстро вырезал по контуру трафарета очертания всех материальных объектов, а также всего того, что невидно человеческому глазу: волны, излучения, солнечные ветра – весь этот дух космизма. Он заполнил оставшиеся пустоты. То есть, существовал божественный чертеж мироздания, предопределенность, которая не покушалась на волю и свободу человеческую. Именно согласно вышней схеме и действовал немецкий снайпер Эрхарт Эб Юнгер, и чтобы они – Ершов и Беляков – не вымучивали, какие бы версии случившегося не выдвигали, единственной верной версией была следующая: это мироздание приказало Эрхарту стрелять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.